

С. П. Щавелёв

Археолог на позиции культуролога: имеет право?

(Клейн Л. С. Культура и эволюция.
Теоретические исследования. СПб.: Евразия, 2018. 316 с.)

Надо искать выхода из лабиринта книг и стеллажей с архивными документами и археологическими коллекциями к большому, волнующему всё человечество вопросу — этическому, эстетическому, философскому... Археология, в моём... понимании, это наука о культурном наследии, о традициях, а не об этносе или гражданской истории древностей, обречённой на вечную зависимость от политики.

*А. А. Формозов.
Записки русского археолога*

И. П. Павлов на старости лет завещал своим ученикам: «Написать в конце жизни книгу о своих непроверенных догадках — долг ученого» (Анохин 1967: 32). Эту мысль сочувственно процитировал А. А. Формозов, оставляя в институтском архиве одну из самых заветных своих работ — о влиянии археологии на русскую историю и даже на современную культуру, политику (Формозов 2019: 10). В позднем СССР и ранней РФ столь гуманистические откровения в печать не проходили. Повезло Л. С. Клейну — он дожил до времён, когда удалось напечатать фактически все произведения, что скопились в его личном архиве за долгую семидесятилетнюю жизнь в науке. Среди этих реанимированных на радость издателям и читателям работ выделяется сборник теоретических исследований этого автора о культуре как таковой. Лев Самуилович справедливо отмечает, что для большинства коллег-археологов понятие культуры «является скорее рабочим и редко подвергающимся рефлексии» (с. 4). А Клейна его творческий темперамент заставлял то и дело ввязываться в споры не только историков и археологов, но и философов с социологами, антропологами, лингвистами, искусствоведами и даже чиновниками, политиками о сущности, структуре и динамике культуры вообще. Вот эти-то его тезисы, статьи, обзор-

ры и рецензии разных, преимущественно ещё советских, лет, в той или иной степени общекультурологического плана, как напечатанные в более или менее отдалённом прошлом, так и остававшиеся в рукописях, теперь составили новую книжку на 20 печатных листов. И получилась она, сразу отметим, довольно цельной, действительно монографической. В 23 компактных очерках излагаются взгляды автора на самые разные аспекты того, что с определённых пор стали называть у нас в стране культурологией.

В «Предисловии», как водится, обосновывается авторское право вывести в читательский свет свои старые работы, многие из которых неизбежно несут на себе печать устаревших общественных условий и идейных установок былых времён. Причём все прежние тексты публикуются в своём первоизданном виде, лишь кое-где к ним делаются поясняющие дополнения в квадратных скобках. Так что по этому изданию можно теперь проследить, как возникала и разрабатывалась культурологическая тематика в нашей стране за последнюю четверть XX века, что само по себе поучительно для читателей-интеллектуалов. Ведь автор, надо отдать ему должное, всегда претендовал на роль теоретика, то есть стремился углубить и обобщить своё видение культуры, концептуализировать разные вопросы, к ней относящиеся. А у философии ментальная отдача вневременная (с. 6), в отличие от историчной, всегда устаревающей науки, той же археологии. Акцентируя это различие, в общем верное, автор не учитывает того, что меняются соотношения философии и науки. А именно: новейшие достижения последней на наших глазах отменяют право философов умозрительно рассуждать о каких-то сторонах природы и человека, которые, наконец, доказательно объяснили эволюционные биологи, генетики, биохимики и другие специалисты (Щавелёв 2019б).

Книга делится на две части. Первая посвящена дефиниции категории «культура» и обсуждениям этого вопроса в различных направлениях и школах гуманитарного знания. Вторая часть стремится обозреть отдельные характеристики культурно-исторического процесса. Тут привлекаются материалы разных наук, начиная с археологии, истории, социологии, этнологии.

Сильной стороной Л. С. Клейна и как теоретика, и как учёного всегда было почти энциклопедическое знание и сочетание отечественных и иностранных источников информации. К тематике этой книги иначе было бы и не подойти. Уже первый очерк посвящён «понятию культуры в зарубежной науке» и философии. Несмотря на присутствие в историографии темы нескольких такого рода обзоров, клейновский, выполненный по первоисточникам, выглядит одним из самых основательных.

Среди следующих параграфов есть прямое продолжение этой темы — «Понятие культуры в советской науке». В этом очерке, написанном в 1980 году, автор решал гораздо более сложную задачу. Критиковать зарубежных авторов

из капиталистических стран тогда можно было сколько угодно. А вот науке советской, то бишь непременно марксистско-ленинской, требовалось давать только высокие оценки, да ещё со ссылками на основоположников марксизма. А ведь Л. С. Клейн уже тогда понимал, что «Маркс и Энгельс игнорировали понятие культуры, а Ленин и Сталин хоть и использовали это понятие, но очень односторонне, в политических целях» (с. 53). Умалчивая об этом, стараясь обходить острые углы «исторического материализма» и «научного коммунизма», автор всё же сумел в этой статье наметить основные этапы освоения понятия культуры общественно-политической мыслью в СССР с момента его основания и практически до конца; очертить разные подходы к культуре в отечественной науке 1960–1980-х годов; сравнить их с западными наработками «буржуазных учёных». Напечатать и такую статью своевременно не удалось — цензура не дремала даже накануне Перестройки. В обобщённом виде, под названием «Марксизм и культура: поздний роман» автор напечатал работу в 1997 году и поместил оба варианта в рецензируемую книгу.

Как известно, Л. С. Клейн стал одним из очень немногих советских археологов, кто не отрёкся гласно или негласно от марксистского учения после его отмены в качестве официального в нашем государстве, а попытался что-то сохранить из марксизма для теории и методологии изучения древностей. Пожалуй, сегодня можно поставить это ему в заслугу. Хотя бы потому, что позволяет предостеречь молодых читателей от пренебрежения той литературой, что выходила в СССР, и не только по фактологии их дисциплин, но и по их теоретико-методологическим вопросам. Я бы только пояснил, что заслуга в этом случае была не столько за самими основоположниками «единственно правильного учения», сколько за советскими их интерпретаторами. Талантливые исследователи, такие как А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Э. С. Маркарян, М. С. Каган, Л. М. Баткин, А. Я. Гуревич, В. Е. Давидович, Б. А. Успенский и некоторые другие, аккуратно обходили узкие места марксистских подходов к культуре и дополняли их более глубокими характеристиками. Этот круг вопросов, как и философия науки и техники, философские проблемы естествознания, не говоря уже о древней истории с археологией, притягивал тех теоретиков, кому было тесно и стыдно в рамках канонического диамата и истмата, не говоря уже о совсем prostituteированных «научном коммунизме» и истории КПСС.

Следом за историей понятия культуры у Л. С. Клейна идёт концентрат её теории — статья «Культура» из археологического словаря, составленного автором для одного из своих фундаментальных трудов — «Археологической типологии», изданной по-английски в Оксфорде (1982) и в дополненном виде у нас (1991). «Культура, — в глазах этого мэтра европейской науки, — пластичная и многозначная, фиксированная в нормах программа деятельности индивидов, формируемая, хранимая, накапливаемая и передаваемая обществом на основе общественной практики, в частности и общественного производства. Она уделяется обществом каждому члену общества и гибко детерминирует индивидуальное поведение.

Это особая система средств хранения и передачи социального опыта... выражается в вещах, (других. — С. Щ.) искусственных объектах, поведении, идеях и соматике людей (телесном облике). Её продукты суть в то же время её компоненты и её орудия. Системность носит организационный характер и выражается в функциональных связях между компонентами культуры, в частности — в функциях вещественных объектов.

Культура — фундаментальное понятие ряда наук, в том числе археологии» (с. 37).

Этот вывод убедительно раскрывается следующим разделом — «Концепция культуры в американской „Новой археологии“». В середине 1970-х годов статью Л. С. Клейна с таким названием отклонила «Советская археология». Как видно теперь, зря не приняли — упустили шанс оперативно познакомить многих отечественных специалистов с идеями очередного поколения теоретиков изучения древностей, причём не только в США, но и в Британии, а также на континенте Европы. Поколения, нового не просто по хронологическому счёту, но и по развороту целой науки — от формальных типологий находок из раскопок к системному пониманию культуры давно прошедших эпох и народов.

Логичным продолжением авторского анализа выступает затем «Обзор советских концепций культуры», восходящих к выступлению и публикации (в ГДР) автора 1978 года. Эти концепции делают акцент на разных сторонах самого сложного в социальном познании явления, а именно, либо функциях культуры в жизни человека и социума; либо ценностях их же (аксиологии); либо особым виде деятельности, специфичной для человека как вида; либо знаковой системе культуры, её семиотике; либо, наконец, исторических типах духовной жизни общества. Для науки, начиная с археологии, наиболее эвристичной автор считает концепцию деятельностьную (Маркарян 1969; 1973; Бромлей 1973; Каган 1974). В этой концепции адаптивная роль культуры выступает на первый план. «Адаптационная характеристика культуры позволяет обосновать включение в культуру средств производства, объяснить... локальную дифференциацию, установить приемлемые критерии прогресса, которые бы генетически связали историю культуры с докультурным, животным состоянием её творцов» (с. 50). Выделяя в качестве сущности культуры «социальное программирование поведения каждого человека», автор видит в этом главное отличие людей от животных: «поведение животного в значительной степени программируется генетически, поведение же человека — главным образом иначе» (Там же, с. 52). В свете новейших открытий в эволюционной биологии и смежных отраслях естествознания такой вывод уязвим для критики, о чём будет сказано рецензентом ниже.

Эта же самая тема соотношения биологического и социального в людях поднимается автором в давнишней (1974 года) статье-рецензии на книгу Т. Дойла «Человеческий фактор в поведении народов» 1971 года выхода. Отзыв Л. С. Клейна на неё вышел тогда только в чикагском журнале, а на русском публикуется впервые. Отзыв критический. Не понравилась попытка редукции культурных норм к человеческой телесности. К сожалению, в теперешнем комментарии нашим автором отмечены только редакционные злоключения его рукописи, а вот новейшие публикации по социобиологии, этологии и зоопсихологии не упомянуты. А они скорее подтверждают позицию Торна Дойла, а не чёткое размежевание природы и культуры, отличавшее марксизм.

Л. С. Клейн придерживается старого взгляда расцвета бихевиоризма, будто «животные мастерят свои поделки на основе врожденных программ, наследуемых генетически, а научение (действие условных рефлексов) занимает у них мало места и остаётся неосмысленным, не переводится в систему символов — язык» (с. 277). Но с тех пор, как, вероятно, и сам Лев Самуилович знает, приматы в эксперименте заговорили на разных языках — жестовых (глухонемых), искусственных пиджинах и даже порой понимали английский

в значительном объёме. В частности, «бонобо, которых начинали обучать языку-посреднику с полугодовалого возраста, усваивали не только язык лексикограмм, но и понимали устную речь человека на уровне двухлетних детей» (Зорина, Смирнова 2006: 3). Шимпанзе Ушо, бонобо Канзи, горилла Коко, орангутан Шантек уверенно общались не только со своими хозяевами-зоологами, но и с другими людьми с помощью их языка. Сопоставимые с основами настоящего языка системы сигналов обнаружались также у зверей и птиц в дикой природе (Кошелев 2008; Бурлак 2019; Эверетт 2019).

С помощью высоких технологий сканирования работающего мозга стало возможным понять природу сознания, причём не только человека (Фритт 2015), но и животных, например собак (Бернс 2019), птиц (Акерман 2018), вплоть до осьминога (Монтгомери 2018). Замах нынешних одухотворителей природы на растения (Манкузо, Виола 2018; Вольлебен 2018) — пожалуй, уже перехлест этого идейного тренда. По крайней мере, не только люди, но и шимпанзе, бонобо, собаки, дельфины, сороки узнают себя в зеркале: признак самосознания. Пропасть между людьми и животными в отношении интеллекта (Де Вааль 2014, 2018; Уильямс 2019) заполняется на наших глазах. Более или менее близкие прототипы религии, морали, даже политики явственно прослежены в мире зверей и птиц. Высказанный ещё Ч. Дарвином тезис о том, что ментальные различия людей и животных носят количественный, а не качественный характер, позволяет подойти к объяснению парадоксальных, с привычных точек зрения, моментов антропогенеза. Пожалуй, только искусство сохраняет своё значение видоспецифичной для Человека разумного вида деятельности.

В том числе поэтому археологам будет интересен материал Л. С. Клейна под названием «Программирование человека». Такой «перестроечный заголовок» дан автором своему прежнему тексту, название которого стало теперь подзаголовком: «Искусство и культура: генезис, функции, связь». Художественное мышление на языке искусства в той же степени предопределяет (программирует) поведение людей, как и мышление абстрактно-логическое, достигшее своей вершины в науке и высокотехнологичной практике. Имея дело с памятниками древнего и даже древнейшего искусства, археология читает эти «языки культуры», хотя и почти всегда гипотетически.

Как известно, с лёгкой руки В. И. Ленина синонимом археологии в нашей стране стала «история материальной культуры» (якобы вождь вписал второе слово в это название при преобразовании Археологической комиссии в Российскую академию истории материальной культуры). В отдельных тезисах, которые автору так и не удавалось напечатать до сих пор, он даёт свою интерпретацию соотношения материального и духовного в составе культуры. Функциональный подход к вопросу, который Л. С. Клейн верно отмечает у археологов, позволяет наиболее понятно, хотя и довольно условно и неполно разнести артефакты на материальные (целью применения которых было изменение объективного бытия человека в мире) и духовные — те, что в конечном счёте вносили перемены в мир знаковый, информационный, собственно духовный. И материальное, и духовное направления производства пользуются вещественными орудиями труда и игры, которые и остаются в добычу археологам в составе культурного слоя.

Яркое эссе посвятил автор феномену коллекционирования, назвав его по известному фильму — «Человек дождя». Как видно из такого сближения,

гипотеза Л. С. Клейна сравнивает собирателей чего бы то ни было с аутистами. Якобы классификация, которая лежит в основе любого собрания чего-то однородного — от книг и картин до почтовых марок и любых поделок — упрощает мир в угоду инфантильной стороне человеческой природы. Правильно сводя эти размышления на музейные экспозиции, их варианты, автор упускает возможность добавить нечто про интернет-сайты теперешних музеев. А применительно к психологической природе собирательства я бы ещё сослался на «старую знакомую» — сублимацию, по З. Фрейду. Любая коллекция — это, наверное, самое достойное хобби, поскольку в норме обогащает и материально, и духовно не только своего первообладателя-знатока, но и его наследников, в числе коих бывает и само государство или иные корпорации. Разница же между дилетантским, «знаточеским» мышлением и научным познанием (Щавелёв 1994: 170–185, «профессиональное и любительское мышление») составляет философскую проблему, близкую археологам, особенно в связи с расцветом «чёрной археологии» с её индустрией собирания, продаж и даже издания артефактов из грабительских раскопок (Щавелёв 2017).

Примерно на середине книги автор обнаруживает сомнения относительно того, «а существует ли такая наука — культурология?» (с. 181). В самом деле, это ведь только российское явление в классификации научных дисциплин; за рубежом такой специализации — культурология — не было и нет. В заметке 1998 года «Культуролог — это кто?» Л. С. Клейн пробует разобраться в этом вопросе. Он вроде бы понимает, что «никто не может назвать себя культурологом» из мало-мальски состоявшихся в науке людей. Ведь «нет отдельной дисциплины — природоведение, естествознание... Есть обширный комплекс естествоведческих наук». С другой стороны, он же констатирует, что «есть учебники, читаются курсы лекций в некоторых вузах, созываются конференции» по культурологии. Вдумчивый читатель останется в неведении: так есть ли такая наука или её нет? В частности, может ли что-нибудь полезное почерпнуть при изучении российской культурологии историк или археолог?

Мне думается, что дело в следующем. В СССР преподавание гуманитарных дисциплин было, как известно, до предела идеологизировано и политизировано. В каждом университете или же институте (политехническом, медицинском, педагогическом, любом другом) каждый студент изучал и сдавал экзаменами следующий набор «общественных наук»: история КПСС, два периода — дореволюционный и советский, два экзамена на 1-м курсе; первую часть «марксистско-ленинской философии» — диалектический материализм, экзамен на 2-м курсе; вторую часть её же — исторический материализм, экзамен на 3-м курсе; политическая экономия, опять два курса — капитализма и социализма; ещё два экзамена на 4-м курсе; научный атеизм, 4-й курс; и, наконец, на выпускном курсе — «научный коммунизм». Вопросы по этим дисциплинам выносились и на выпускные — государственные экзамены абсолютно по всем специальностям. Так что без пяти минут врачи, инженеры, педагоги, историки, любые другие «молодые специалисты» обязаны были затверживать весь этот громадный и практически не связанный с практикой реальной жизни учебный материал. Когда в 1990-е годы испарилась вместе с СССР советская система образования, гуманитарный вакуум в ней пришлось чем-то заполнять. А заодно трудоустраивать когорты преподавателей, разом потерявших работу вместе с «историей партии» или «марксистско-ленинской философией». Так и возникла в постсоветской высшей школе пресловутая культурология.

Наряду с «просто» философией (по сути — её историей), историей — России или всемирной, политологией. И отнюдь не «в некоторых вузах», как думает Л. С. Клейн, кроме Ленинграда нигде в России не преподававший, а повсеместно. Сейчас, в 2010-е годы «некоторые вузы» как раз отказываются от обязательного преподавания философии, культурологии, политологии. Переходят на западный образец, когда сам студент выбирает себе что угодно из непрофильных, общегуманитарных дисциплин в некий добавок к предметам своей будущей профессии. Так что в более или менее обозримой перспективе никакой такой особой «культурологии» ни в образовании, ни, тем более, в науке и нашей станы не останется.

А останется то, что умница Л. С. Клейн в своей давнишней заметке всё-таки обозначил как компонент, объединяющий самые разные науки, — «анализ самого понятия „культура“, то есть теория культуры» (с. 184). Таковая действительно требуется каждой из общепризнанных наук, имеющих дело с человеком и социумом. И историк, и археолог, и антрополог, равно как их смежники по анализу прошлого и настоящего человечества используют и будут использовать концепт культуры, каждый в связи со своим собственным материалом, то есть несколько модифицированным, конкретизированным. Так что поблагодарим Л. С. Клейна за то, что он загодя помог нам во всём этом разобраться.

Вторая часть книги посвящена «Культурно-историческому процессу», то есть динамике культуры, её эволюции в истории человека и общества. Этот разворот мысли автора гораздо ближе большинству читателей, которые ведь не философы и не культурологи, а специалисты, то есть практики разных наук о прошлом и настоящем человечества. Поэтому в актуальном предисловии к разделу Л. С. Клейн поворачивает наше внимание *in medias res*: почему взору археолога предстаёт «чередa культур, сменяющих одна другую, с разрывами между ними», а историками «в развитии человеческой культуры предполагается преемственность, ведь иначе не было бы накопления знаний и самого развития» (с. 189). Автор зорко подмечает, что чередa теорий, сменяющих друг друга в истории археологии, — эволюционизм, диффузионизм, миграционизм, трансмиссионизм (обмен культурными ценностями) и т. д. — по-разному пытается ответить на этот «проклятый вопрос» в понимании нашего далёкого прошлого.

Очерк «Проблема смены культур в современных археологических теориях» сравнивает и оценивает перечисленные взгляды на смену культур, прослеживаемых археологически. Отмечаются их сильные и слабые стороны. «В своих попытках однозначно решить этот вопрос каждая из прежних теорий разработала то или иное действительное явление прошлого (поступательная преемственность, миграции, диффузия и др.). Соответственно, разрабатывались и необходимые понятия, развивались связанные с этими идеями методы исследования (типологический, картографический и др.)» (с. 202).

Оригинальная версия самого Л. С. Клейна представляет культурно-исторический процесс «как систему коммуникации, растянутую во времени, а смену культур — как нарушения в системе коммуникации» (с. 204). Эта идея легла в основу всей работы нашего автора над собственной теорией археологии, которая в первую очередь и прославила его, вошла в базу чтения начинающих археологов, по крайней мере, в нашей стране. В обозреваемой книжке соответствующий материал изложен в нескольких очерках, наиболее концентрированно — под заглавием «Проблема смены культур и теория коммуникации».

Перепечатаывая затем известную работу «Этнография лагеря», автор повторяет свою излюбленную мысль о сходстве уголовной среды с архаическим и первобытным социумами. Объявляет нынешних уголовников неандертальцами. В своей рецензии на другую книгу Л. С. Клейна я приводил возражения этой аналогии как поверхностной (Щавелёв 2019а). Уже писатели, побывавшие — в каком бы то ни было качестве — «в зоне» (от Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова до С. Д. Довлатова), отмечали зеркальность заключённого мира тому, что вроде бы на свободе. А вот наш автор в тюрьме и лагере поставил себя в позу стороннего наблюдателя, что и помогло ему там выжить. Но социологи и антропологи, как известно, в подобных ситуациях практикуют наблюдение включённое, эмпатично настроенное к аборигенам. С этой позиции обнаружилось бы, что усвоенные осуждённым сидельцем Клейном тюремно-лагерные ритуалы, инициации, символика и т. п. в какой-то мере «есть в любом обществе, даже в современном» (Н. Н. Крадин. Цит. по: Клейн 2018: 277) гражданском, а не только криминальном или архаичном. А мир архаичных (законсервировавших первобытность) социумов очень разный, тут размах от эгалитаризма до жёсткой иерархии, уточняет Н. Н. Крадин. Так что неандерталец, скорее всего, был социализованной нынешних уголовников. Наследие первобытности на дальнейших этапах истории человечества вплоть до наших дней заключается отнюдь не только и не столько в рецидивах звериных нравов, как полагает Л. С. Клейн. Этологи и социобиологи наглядно продемонстрировали массу превращённых всё новой и новой культурой форм поведения, в глубине которых просматриваются роли охотников и собирателей палеолита, земледельцев и скотоводов неолита и раннего металла (Уилсон 2015; Моррис 2017).

Тема влияния первобытности на цивилизации современного типа продолжается автором с помощью другого выношенного им тезиса: о фатальной дезадаптации человека к современной культуре. Таков подзаголовок этюда «Мы кроманьонцы». И хотя этот текст представляет собой доклад не такого уж давнего 1996 года, опубликованные с тех пор данные противоречат авторским декларациям: «Сто тысяч лет сформировалось современное человечество, и с тех пор человек остаётся как вид физически и психофизиологически в основном неизменным, с тем же генетическим фондом, предающимся от поколения к поколению» (с. 246). Между тем недавно вышла на русском языке работа, где обобщены выводы нескольких наук относительно того «подвергалось ли социальное поведение человека, а следовательно, природа человеческих обществ, эволюционным изменениям в недавнем прошлом» (Уэйд 2018: 10), и где даётся утвердительный ответ на этот вопрос. Естественный отбор вовсе не отключился сто тысяч лет назад, как думали мы в те времена, когда Л. С. Клейн публиковал все эти свои статьи и тезисы. Даже анатомо-физиологически, не говоря уже о менталитете, человечество, отдельные его популяции (расы, этносы), подлежали в сравнительно недавние времена новым мутациям. Так, население Запада за последние десятилетия потеряло несколько процентов среднего веса головного мозга. По сравнению с неандертальцами мы уже потеряли граммов 150 его. При этом когнитивные способности людей не уменьшились, а увеличились — за счёт компьютерной систематизации информационного мира.

Что касается упомянутой дезадаптации людей нового и новейшего времён к условиям индустриального и постиндустриального обществ, о чём с уверенностью писал и пишет Л. С. Клейн, то краски тут сильно сгущены. Конечно, некие противоречия эволюционной природе человека уже лет триста, с момента

промышленной революции, налицо, но едва ли бóльшие, нежели во времена всех тех миграций и диффузий, что археологи прослеживают применительно к далекому прошлому. Скорее, напротив, нынешний уровень комфорта, механизмы распределения общественного богатства, достижения наукоёмкой медицины и биотехнологий эпохи постиндустриализма более или менее успешно решают неизбежные проблемы развития культуры и цивилизации. Численность-то человечества растёт, а в тех регионах, где эта численность медленно сокращается, в разы растут средний возраст жизни и её качество, даже на финальных отрезках земного бытия людей. Личный пример самого автора, который на десятом десятке своих лет успешно переиздаёт книгу за книгой, по нескольку каждый год, — блестящая иллюстрация эффективной адаптации ко всевозможным — и общественным, и биологическим — угрозам жизни и здоровью людей. А обеспечили эту адаптацию, победу над дезадаптацией, медицина и вся прочая культура отнюдь не кроманьонского уровня. Настоящие кроманьонцы жили раза в три короче нашего. Так что не стоит нас отождествлять. Насколько локализован был быт тех кроманьонцев, это ещё вопрос. Привычка к солидарности только в небольших коллективах охотников и собирателей, о которой пишет Л. С. Клейн, не объясняет открытых за последнее время археологами явно межплеменных святилищ, по сути храмов, которые воздвигали и потом периодически посещали массы людей уже в позднем палеолите и раннем неолите (памятники этого типа от Гёбекли Тепе и до Стоунхенджа) (Шмидт 2011).

Мысленный эксперимент автора на сей счет недоказуем: «Любой кроманьонец, родись он в современном обществе, вырос бы вполне современным человеком и мог бы управлять компьютером» (с. 246). Тут просматривается рецидив философского предрассудка о неизменной природе человека. У Руссо, Гоббса и Маркса были разные версии на этот счёт, но сама вера в некую общую и неизменную сущность людей объединяла эти версии своей спекулятивностью, кабинетным характером. Последние достижения естествознания и информатики заставляют отказать от столь абстрактных умозаключений о человеке и социуме. «Почему-то мы привыкли к мысли, что, когда система обнаруживает сложные и слаженные функции и поведение, обязательно должен присутствовать некий „сущностный“... элемент управления, который якобы за всё отвечает... Мы называем его гомункулусом, разумом, душой, генами и так далее... Но он редко там, в обычном редуccionистском смысле. Это не значит, что в действительности нет никакой ответственной „сущности“, просто она существует в распределённом виде. Она в протоколах, правилах, алгоритмах и программном обеспечении. Так на самом деле работают клетки, муравейники, виртуальные сети, армии, мозг. Нам трудно это понять, поскольку „сущность“ не хранится где-то в каком-нибудь сундуке» (Газзанига 2017: 311).

Контрастирую по своему содержанию два заключительных раздела книги. С первым из них читателю, на взгляд рецензента, не стоит соглашаться, а вот ко второму надлежит прислушаться.

Первый очерк возник в качестве тезисов доклада для несостоявшейся из-за войны конференции в Донецке, темой которой был объявлен культурогенез. Л. С. Клейн свои размышления в этом очерке поименовал скептическими: он не видит повода искать какую бы то ни было преемственность между природой и культурой. А зря, ведь соответствующие предпосылки были обнаружены мировой наукой (см., напр., Лоренц 1997; Сапольски 2018; 2019; и др.). Но наш

автор сохранил верность сугубо советской философии о «биосоциальной природе человека», где природное и общественное на самом деле оказываются разделены друг от друга псевдоконцептуальной стеной. Поэтому он и не прислушался к известным ему точкам зрения этологии К. Лоренца и социобиологии Э. Уилсона, согласно которым у большинства из социальных, культурных явлений имеются свои животные, природные прототипы и даже действующие после антропогенеза биологические матрицы. Археологам и культур-антропологам сегодня этого уже нельзя не учитывать.

Последний очерк этой книги — «Документ о культуре и дух культуры» — демонстрирует всю мощь клейновского интеллекта и подлинный гуманизм его убеждений, выношенных рекордно долгой жизнью в науке. Он комментирует проект «Основ государственной культурной политики», который готовили Администрация Президента и Министерство культуры РФ. В газете «Известия» от 12 апреля 2014 года этот проект был опубликован и вызвал резкие возражения целого ряда авторитетных экспертов — от Института философии РАН до Л. С. Клейна. Суть его возражений сводится к тому, что анонимные разработчики документа постарались упростить и сузить понятие культуры — ради того чтобы подвести квазитеоретическую базу под волюнтарное управление ею вездесущими чиновниками. Им кажется, будто они знают, в чём именно состоит «российская идентичность» и каковы «чуждые ей системы ценностей» за границами родины. «Как будто, — добавляет язвительный автор, — позитивные явления — это исключительно наша особенность, а негативные — исключительно западная» (с. 291). Выдвигаемое чиновниками понятие «единого культурного кода», предостерегает мудрец Л. С. Клейн, удобно и опасно тем, что под него можно подверстать любую формулу властной политики, объявив неугодные явления чуждыми отечественной культуре, списать их за счёт коварной вражеской толерантности.

Опечаток и фактических ошибок в книге немного. «Кунсткамера» пишется слитно, а не через дефис (с. 168). Точно так же слитно пишутся слова типа «немарксистский» (с. 140). Трудно не заметить ляпсуса в такой аннотации: «Статья была написана в 1994–95 годах... и напечатана в 1976 г.» (с. 165). Корректора издательства «Евразия» надо бы лишить премии. Фильм «Человек дождя» поставил не Спилберг (с. 178), а Барри Левинсон. Вообще, зря у книги нет ни редактора, ни рецензентов. «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» на фронте научной теории и идеологии, чему, собственно, посвящён этот сборник, особенно нуждаются в сторонних оценках других современников или историков соответствующих событий.

Если под конец рецензии вернуться к её заглавию, то на содержащийся в нём вопрос следует дать утвердительный ответ. Лев Самуилович Клейн и этой своей книгой дал очень полезный материал для размышлений как своим собратям по научному цеху — археологам и преисторикам, так и представителям всех остальных гуманитарных дисциплин. Никто из них теперь не минует взглядов и отзывов маститого петербургского автора, коли захочет высказаться по поводу культурологического аспекта своей специальности. Придётся им всем то ли соглашаться с ним, то ли спорить. Большой награды учёному трудно себе представить.

Литература

- Акерман Дж. 2018. *Эти гениальные птицы*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Анохин П. К. 1967. Несколько эпизодов из моих встреч с И. П. Павловым. В: Крепс Е. М. (ред.). *И. П. Павлов в воспоминаниях современников*. Л.: Наука, 26–40.
- Бернс Г. 2019. *Что значит быть собакой. И другие открытия в области нейробиологии животных*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Бромлей Ю. В. 1973. *Этнос и этнография*. М.: Наука.
- Бурлак С. А. 2019. *Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Гуд Б. 2015. *Мозг прирученный. Что делает нас людьми?* М.: Альпина Паблишер.
- Де Вааль Ф. 2014 *Истоки морали. В поисках человеческого у приматов*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Де Вааль Ф. 2017. *Достаточно ли мы умны, чтобы понимать животных*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Де Вааль Ф. 2018. *Политика у шимпанзе. Секс и власть у приматов*. 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вольлебен П. 2018. *Тайная жизнь растений. Что они чувствуют, как они общаются — открытие сокровенного мира*. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Газзанига М. 2017. *Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии*. М.: АСТ.
- Зорина З. А., Смирнова А. А. 2006. *О чем рассказали «говорящие» обезьяны*. М.: Языки славянских культур.
- Каган М. С. 1974. *Человеческая деятельность*. М.: Политиздат.
- Клейн Л. С. 2018. *Диалоги. Теоретическая археология и не только*. СПб.: Евразия.
- Кошелёв А. Д. (сост.). 2008. *Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека*. М.: Языки славянских культур.
- Лоренц К. 1997. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии // *Человек* 5, 23–25.
- Манкузо С., Виола А. 2015. *О чём думают растения*. М.: Э.
- Маркарян Э. С. 1969. *Очерки теории культуры*. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР.
- Маркарян Э. С. 1973. *Понятие «культура» в системе современных социальных наук*. М.: Наука.
- Монтгомери С. 2018. *Душа осьминога. Тайны сознания удивительного существа*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Моррис Д. 2017. *Наблюдая за человеком. Фундаментальное исследование всех невербальных сигналов*. М.: КоЛибри.
- Сапольски Р. 2018. *Кто мы такие? Гены, наше тело, общество*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Сапольски Р. 2019. *Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки*. М.: Альпина-нон-фикшн.
- Сафина К. 2018. *За гранью слов. О чём думают и что чувствуют животные*. М.: КоЛибри.
- Уилсон Э. 2015. *Смысл существования человека*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Уильямс К. (ред.). 2019. *Мозг и сознание. Разгадка величайшей тайны человеческого мозга*. М.: АСТ.
- Уэйд Н. 2018. *Неудобное наследство. Гены, расы и история человечества*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Формозов А. А. 2019. Археолог о первобытном обществе (Публикация С. П. Щавелёва). *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований* 1, 6–47.
- Фритт К. 2015. *Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир*. М.: АСТ.

- Шмидт К. 2011. *Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гебекли Тепе*. СПб.: Алетейя.
- Щавелёв С. П. 1994. *Практическое познание. Философско-методологические очерки*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.
- Щавелёв С. П. 2017. Российская археология в чёрно-белую полосу (развивая критику Л. С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношение к ней дипломированных археологов). В: Вишняцкий Л. Б. (ред.). *Ex Ungve Leonet. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. СПб.: Нестор-История, 345–355.
- Щавелёв С. П. 2019а. Неоконченные споры археологов (и не только их) о древностях (и не только о них) (Клейн Л. С. Диалоги. Теоретическая археология и не только. СПб.: Евразия, 2018. 368 с.). *Stratum plus* 1, 337–344.
- Щавелёв С. П. 2019б. Сообщества философов уходят в прошлое. Их заменяет сообщество учёных, мыслящих философски. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право*. 44 (3), 533–546.
- Эверетт Д. 2019. *Как начинался язык. История величайшего изобретения*. М.: Альпина-нон-фикшн.

References

- Akerman Dzh. 2018. *Eti genial'nye ptitsy*. М.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Anokhin P. K. 1967. Neskol'ko epizodov iz moikh vstrech s I. P. Pavlovym. In: Kreps E. M. (ed.). *I. P. Pavlov v vospominaniakh sovremennikov*. L.: "Nauka" Publ., 26–40 (in Russian).
- Berns G. 2019. *Chto znachit byt' sobakoi. I drugie otkrytiia v oblasti neirobiologii*
- Bromlei Iu. V. 1973. *Etnos i etnografiia*. М.: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Burlak S. A. 2019. Proiskhozhdenie iazyka. Fakty, issledovaniia, gipotezy. М.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- De Vaal' F. 2014. *Istoki morali. V poiskakh chelovecheskogo u primatov*. М.: "Al'pina non-fikshn" (in Russian).
- De Vaal' F. 2017. *Dostatocno li my umny, chtoby ponimat' zhivotnykh*. М.: "Al'pina non-fikshn" (in Russian).
- De Vaal' F. 2018. *Politika u shimpanze. Seks i vlast' u primatov*. 3-e izd. М.: "Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki" Publ. (in Russian).
- Everett D. 2019. *Kak nachinalsia iazyk. Istoriia velichaishego izobreteniiia*. М.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Formozov A. A. 2019. Arkheolog o pervobytnom obshchestve (Publikatsiia S. P. Shchavel'eva). *Pervobytnaia arkheologiiia. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniia* 1, 6–47 (in Russian).
- Fritt K. 2015. *Mozg i dusha. Kak nervnaia deiatel'nost' formiruet nash vnutrennii mir*.
- Gazzaniga M. 2017. *Kto za glavnogo? Svoboda voli s tochki zreniia neirobiologii*. М.: "AST" Publ. (in Russian).
- Gud B. 2015. *Mozg priruchennyi. Chto delaet nas liud'mi?* М.: "Al'pina Pablisher" Publ. (in Russian).
- Kagan M. S. 1974. *Chelovecheskaia deiatel'nost'*. М.: "Politizdat" Publ. (in Russian).
- Klein L. S. 2018. *Dialogi. Teoreticheskaia arkheologiiia i ne tol'ko*. SPb.: "Evraziia" Publ. (in Russian).
- Koshelev A. D. (comp.). 2008. *Razumnoe povedenie i iazyk. Vyp. 1. Kommunikativnye sistemy zhivotnykh i iazyk cheloveka*. М.: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ. (in Russian).
- Lorents K. 1997. Kantovskaia doktrina apriori v svete sovremennoi biologii. *Chelovek* 5, 23–25 (in Russian). М.: "AST" Publ. (in Russian).
- Mankuzo S., Viola A. 2015. *O chem dumaiut rasteniia*. М.: "E" Publ. (in Russian).
- Markarian E. S. 1969. *Ocherki teorii kul'tury*. Erevan: "Izd-vo Akademii nauk Armianskoi SSR" Publ. (in Russian).

- Markarian E. S. 1973. *Poniatie «kul'tura» v sisteme sovremennykh sotsial'nykh nauk*. M.: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Montgomeri S. 2018. *Dusha os'minoga. Tainy soznaniia udivitel'nogo sushchestva*. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Morris D. 2017. *Nabliudaia za chelovekom. Fundamental'noe issledovanie vsekh neverbal'nykh signalov*. M.: "KoLibri" Publ. (in Russian).
- Safina K. 2018. *Za gran'iu slov. O chem dumaiut i chto chuvstvuiut zhitovnye*. M.: "Kolibri" Publ. (in Russian).
- Sapol'ski R. 2018. *Kto my takie? Geny, nashe telo, obshchestvo*. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Sapol'ski R. 2019. *Biologiya dobra i zla. Kak nauka ob'iasniaet nashi postupki*. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Shchavelev S. P. 1994. *Prakticheskoe poznanie. Filosofsko-metodologicheskie ocherki*.
- Shchavelev S. P. 2017. Rossiiskaia arkheologiya v cherno-beluiu polosku (razvivaia kritiku L. S. Kleinom nezakonnoi dobychi drevnostei i utochniaia otnoshenie k nei diplomirovannykh arkheologov) In: Vishniatskii L. B. (ed.). *Ex Ungve Leonem. Sbornik statei k 90-letiiu L'va Samuilovicha Kleina*. SPb.: "Nestor-Istoriia" Publ., 345–355 (in Russian).
- Shchavelev S. P. 2019a. Neokonchennye spory arkheologov (i ne tol'ko ikh) o drevnostiakh (i ne tol'ko o nikh) (Klein L. S. Dialogi. Teoreticheskaiia arkheologiya i ne tol'ko. SPb.: Evraziia, 2018. 368 s.). *Stratum plus* 1, 337–344 (in Russian).
- Shchavelev S. P. 2019b. Soobshchestva filosofov ukhodiat v proshloe. Ikh zameniayet soobshchestvo uchenykh, mysliaichikh filosofski. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* 44 (3), 533–546 (In Russian).
- Shmidt K. 2011. *Oni stroili pervye khramy. Tainstvennoe sviatilishche okhotnikov kamennogo veka. Arkheologicheskie otkrytiia v Gebekli Tepe*. SPb.: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
- Ueid N. 2018. *Neudobnoe nasledstvo. Geny, rasy i istoriia chelovechestva*. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Uil'iams K. (ed.). 2019. *Mozg i soznanie. Razgadka velichaishei tainy chelovecheskogo mozga*. M.: "AST" Publ. (in Russian).
- Uilson E. 2015. *Smysl sushchestvovaniia cheloveka*. M.: "Al'pina non-fikshn" Publ. (in Russian).
- Vol'leben P. 2018. *Tainaia zhizn' rastenii. Chto oni chuvstvuiut, kak oni obshchaitsia — otkrytie sokrovennogo mira*. 2-e izd. M.: "Izd. dom Vyshei shkoly ekonomiki" Publ. Voronezh: "Izd-vo Voronezhskogo un-ta" Publ. (in Russian).
- zhivotnykh*. M.: "Al'pina non-fikshn" (in Russian).
- Zorina Z. A., Smirnova A. A. 2006. *O chem rasskazali «govoriashchie» obez'iany*. M.: "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ. (in Russian).